

ЛИТЕРАТУРА:

1. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: Учеб. 4-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2004. 239 с.
2. Лияскина Т.В. Лингвостилистические средства создания кульминации (на материале английских и американских коротких рассказов): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
3. Пропп В.Я. Русская сказка (Собрание трудов В.Я. Проппа.) // Научная редакция, комментарии Ю.С. Расказова. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
4. Разоренова Ю.А. Композиционные модели общей разрешенной кульминации // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Выпуск 1. Тула, 2008. С. 248-254.
5. American Fairy Tales by L. Frank Baum. [Электронный ресурс]. URL: http://www.writing-resources.com/fairy_tales/american_fairy_tales.html (дата обращения: 16.05.2011).
6. English fairy tales. Wordsworth Editions Limited, 1994. 256 с.
7. R. Kipling, Just so stories. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.boop.org/jan/justso/leopard.htm> (дата обращения: 16.05.2011).
8. Sale, Roger Fairy Tales and After from Snow White to E.B. White. Harvard University Press, 1979. 292 p.

УДК 809.454.2

Новак И.П.

АЛЬТЕРНАЦИЯ СОГЛАСНЫХ В СИСТЕМЕ ИМЕННОГО СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

I. Novak

*Institute of Linguistics, History and Literature Karelian
Research Centre of RAS, Petrozavodsk*

ALTERNATION OF CONSONANTS IN THE SYSTEM OF NOMINAL INFLECTION IN THE KARELIAN LANGUAGE

Аннотация. Статья посвящена анализу явления чередования ступеней согласных как одной из основных фонологических особенностей карельского языка. В статье рассмотрено чередование ступеней согласных в современных карельских наречиях. Исследуется морфологическая сторона этого явления, т. е. его влияние на процесс именного словоизменения. Особое внимание уделяется исключениям из основного правила чередования.

Ключевые слова: карельский язык; морфонология; именное словоизменение; чередование ступеней согласных.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the phenomenon of interchanging consonants as one of the major phonological features of Karelian language. The author explores the interchanging of consonants in modern dialects of the Karelian Language. The article also deals with the morphological aspect of this phenomenon, i.e. the influence of the interchange of consonants upon the process of nominal inflections. Particular attention is paid to exceptions to the basic rule of alternation.

Key words: Karelian; morphonology; nominal inflection; the interchange of consonants.

Альтернатива или чередование – это факт различия звуков, занимающих одно и то же место в звуковой оболочке одной и той же морфемы в разных случаях ее употребления [1, 513-514]. В прибалтийско-финских языках данное явление носит название чередования ступеней согласных. Это явление характерно для большинства из них, за исключением вепсского и ливского языков. Однако и в этих языках можно обнаружить следы древнего фонетичес-

кого явления, что позволяет говорить о его праязыковых корнях. Большинство языковедов, таких как Д.В. Бубрих, Л. Хакулинен, Л. Пости, Э. Итконен, Т. Итконен и др., относят зарождение чередования к прибалтийско-финскому языку-основе. В праязыке функционировали радикальное чередование, происходившее в основе слова, и суффиксальное, затрагивавшее, соответственно, аффиксы [16, 147]. В отличие от суффиксального, радикальное чередование, рассмотрению которого посвящена данная статья, активно функционирует на современном этапе развития.

Для языка-основы были характерны два вида радикального чередования: количественное, затрагивающее удвоенные согласные и приводящее к их сокращению (**kk:k*, **tt:t*, **pp:p*, **tts:ts*), и качественное, распространяющееся на одиночные смычно-взрывные согласные и вызывающее изменение их качества (**k:y*, **t:δ*, **p:β*) [19, 18-19]. М. Хинт относит древнее прибалтийско-финское чередование к его фонетической стадии развития, поскольку оно выполняло только фонетическую функцию и происходило автоматически: сильная ступень выступала в открытом, т. е. заканчивающемся на гласный, а слабая – в закрытом слоге, заканчивающемся на согласный звук. Слабоступенное соответствие не являлось отдельной фонемой, а лишь аллофоном согласного, выступающего в сильной ступени, по сильной ступени можно было легко определить слабую, и наоборот [12, 195].

В период функционирования древнего карельского языка произошла замена слабоступенных соответствий качественного чередования альтернантами *j*, *v* и нулем звука, а также возникли другие изменения, что привело к омонимии слабоступенных форм. Согласно М. Хинту, на этой стадии развития чередование приобрело фонологический характер, теперь по алломорфам слабой ступени стало невозможно определить сильную, однако выбор ступени, как и прежде, зависел от качества слога [12, 197].

Для анализа особенностей системы чере-

дования в современном карельском языке важно учитывать исторический фон, на котором происходило формирование его наречий. Военные действия между Россией и Швецией XIV-XVIII вв. привели к делению единого этнического образования «корелы», сформировавшегося на Карельском перешейке к концу I тыс.н.э. [8, 61-67]. В результате военного противостояния России и Швеции поток карел с исторической родины хлынул на освоенный вепсами Олонецкий перешеек, что в итоге привело к образованию здесь ливвиковского (ливв.) и людиковского (люд.) наречий карельского языка. Разница между этими наречиями объясняется степенью сохранения вепсского субстрата. Переселение проходило также в северные и центральные регионы современной Карелии, на тверские и новгородские земли, где в итоге оформилось собственно карельское наречие (с.-к.).

Все карельские наречия сохранили радикальное чередование ступеней согласных. Количественному чередованию в них подвергаются удвоенные согласные *kk*, *tt*, *pp*, *čč*, а в ливвиковском и людиковском наречиях также *ss*, *šš* и *hh* (люд.). Пр. с.-к.: *aitta: aita-t* ‘амбар: амбары’, ливв.: *mečču: mečä-t* ‘лес: леса’, люд.: *akk: aka-d* ‘старуха: старухи’. В отношении качественного чередования в собственно карельском и ливвиковском наречиях вступают смычно-взрывные согласные *k/g*, *t/d*, *p/b*, выступающие в звонком фонетическом окружении, а в собственно карельском наречии также в положении после глухих согласных. В процессе качественного чередования происходит замена смычно-взрывных согласных другими, или их полное исчезновение: *k/g:0/j/v*, *lk/lg:ll/l*, *rk/rg:rr/r*, *hk:h*, *sk:ss/s*, *tk:t*; *t/d:0/j/v*, *lt/ld:ll*, *rt/rd:rr*, *nt/nd:nn*, *ht:h*, *st:ss*; *p/b:v*, *lp/lb:lv*, *rp/rb:rv*, *mp/mb:mm*. В людиковском наречии качественное чередование ступеней согласных полностью исчезло, очевидно, в результате влияния вепсского языка. Пр. с.-к.: *pađa: ru-a-t* ‘горшок: горшки’, ливв.: *ildu: illa-l* ‘вечер: вечером’, но люд.: *đogi: dōge-d* ‘река: реки’.

Здесь мы хотели бы подчеркнуть, что явление чередования в каждом из карельских наречий перешло с фонологического на мор-

фонологический уровень. Разницу между двумя этапами обнаруживают условия чередования в процессе словоизменения и словообразования. Если в древнем карельском языке выбор ступени определяло только качество слога, то в современных карельских наречиях стало возможным использование слабой ступени в открытом слоге, а сильной – в закрытом, что явилось исключением из основного правила функционирования явления. В современных карельских наречиях выбор ступени определяется грамматической формой.

Изучение теоретических работ по грамматике карельского языка Д.В. Бубриха [3], П.М. Зайкова [6; 7], Л.Ф. Маркиановой [9], П. Виртаранты [20], анализ примеров, отобранных автором статьи из сборников образцов карельской речи, и полевые материалы позволили нам выявить и обобщить случаи чередования в основе слова в процессе словоизменения одноосновных имен.

Для карельского языка характерно противопоставление единственного и множественного числа. Единственное число не имеет специального показателя, следовательно, выбор ступени зависит исключительно от далее следующего форманта или его отсутствия. Множественное число номинатива и аккузатива образуется при помощи показателя *-t/-d*, а в косвенных падежах используются форманты *-i* или *-loi/-löi*. Присоединение показателей происходит по основному правилу чередования: сильная основа при открытом слоге и слабая – при закрытом. Пр. с.-к.: Järvi-en rannoi-lla (< ranta) e'lettih. 'На берегах озер жили' [10, 111]; I l'äks'i jäl'gi-löi-n (< jäl'gi). 'И отправился следом.' [10, 162]; ливв.: Sit panet sova-t (< soba) piäle. 'Затем оденешься (букв. 'оденешь одежды')' [14, 17].

При падежном словоизменении ситуация сложнее. Во всех наречиях карельского языка наличия слабой ступени в основе слова требуют окончания следующих падежей: номинатив мн. числа (*-t, -d*), генитив ед. числа (*-n*), транслатив (*-ksi, -kse, -ks*), инессив (*-ssa, -s*), элатив (*-sta, -s*), адессив (*-lla, -l*), аблатив (*-ltA, -l*), абессив (*-ttA, -ttAh, -ttAi*), инструктив

(*-n*), комитатив (*-nke*), аппроксиматив (*-lluo*) (ливв., люд.). Сильная ступень чередования выступает в номинативе ед. числа одноосновных имен (отсутствие показателя) и комитативе (*-neh*) (с.-к.). Образование остальных падежей обнаруживает ряд исключений из приведенного правила, объясняемых историей языка. Рассмотрим их подробнее.

1) Генитив мн. числа в карельских наречиях образуется при помощи специальных показателей *-en* (с.-к., ливв.), *-den* (люд.), а также *-n* (ливв.). Пр.: с.-к.: Žiivattoi-n (< žiivatta-) juotettavat rengit. 'Ведро для поения скота' [10, 301]; ливв.: Täs on akko-i-n (< akka-) kerahmo. 'Здесь собрание женщин' [15 II, 139]; Humalas kai veičči-en (< veičči) ker sillas viuhketah. 'Пьяные все с ножами на мосту машутся' [15 VI, 660]. Из примеров видно, что присоединение показателей *-n* и *-en* к основе мн. числа не приводит к ослаблению ее согласного компонента, хотя и создает фонетические условия для этого (образование закрытого слога). Сохранение сильной ступени объясняется в данном случае тем, что все показатели генитива мн. числа восходят к прибалтийско-финскому праязыковому **-ten:-den* [13, 94]. Присоединяясь к основе, он, в силу своей структуры, сохранял ее сильный облик. Дентальный согласный окончания со временем исчез, что, однако, не повлекло за собой изменения качества основы.

2) Показателями партитива в собственно карельском и ливвиковском наречиях являются *-a/-ä, -o/-ö, -e* (с.-к.), *-a/-ä, -o/-ö, -u/-y, -e, -i* (ливв.) или *-ta/-tä* (с.-к.), *-du/-dy, -tu/-ty* (ливв.). Ни один из этих показателей не способен вызвать радикального чередования ступеней согласных, чего нельзя сказать о форманте *-d/-t* лудиковского наречия, который закрывает последний слог основы. При этом, однако, не происходит ослабление его согласного компонента. Пр. люд.: Häll ol'i kakš laukka-t (< laukka-). 'У него было два магазина' [21, 92]; Häkki-d (< häkki) ečit't'ih kaks päiväd. 'Быка искали два дня' [18, 38]. Исследователи возводят форманты партитива к древнему финно-угорскому аблативу на **-ta/-tä: *-da/-dä* [13, 101]. Очевидно, что и в прибалтийско-

финском языке-основе он выступал именно в таком виде. В людиковском наречии показатель утратил гласный компонент в процессе развития, что, однако, уже не отразилось на чередовании в основе слова.

3) Окончаниями эссива в карельском языке являются *-na/-nä* (с.-к.), *-nnu/-nnu* (ливв.) - *n* (люд.), присоединяющиеся к сильноступенной основе. Только в собственно карельском наречии образование эссива происходит по основному правилу. В ливвиковском и людиковском наречиях присоединение форманта ведет к закрытию последнего слога основы слова, что, однако, не приводит к выбору слабой ступени чередования. Пр. ливв.: *Nevol ajelou pruzniekka-nnu* (< pruzniekka-). 'На лошади он ездит в праздник' [15 I, 24]; *Muö k ol'immo tyttö-nny* (< tyttö). 'Мы когда девочками были' [15 III, 63]; люд.: *Pruazn'ikka-n* (< pruzn'ikka-) *ol'i rahvast*. 'Во время праздника было народу' [21, 94]. По происхождению эссив относят к финно-угорскому локативу на **-na/-nä* [13, 101]. В прибалтийско-финском праязыке, сохранив свой облик, он не мог вызывать чередования ступеней согласных в основе слова. Очевидно, что в процессе развития показатель эссива в людиковском наречии затронули те же изменения, что и структурно однородный показатель партитива, т. е. произошла утрата конечного гласного компонента показателя. В ливвиковском же наречии формант не ограничился изменением конечной гласной. Согласно Д.В. Бубриху, в конце прибалтийско-финского периода на базе эссива на *-na/-nä* по образцу местных падежей наметилась группа вторичных *-n*-овых падежей. Таким образом, наряду с обычным показателем эссива, по аналогии с инессивом на *-ssa/-ssä* и адессивом на *-lla/-llä*, оформился эссив с показателем *-nna/-nnä*. Новая форма не прижилась, однако ее следы нашли отражение в ливвиковском наречии карельского языка [4, 190-191]. Очевидно, что удвоенный согласный форманта не повлиял на чередование в основе слова.

4) В собственно карельском и ливвиковском наречиях, а также в большинстве людиковских диалектов окончанием иллатива

является *-h*. В людиковском наречии функционируют также форманты *-i* и *-he*. Присоединение показателя иллатива *-h* приводит к закрытию последнего слога основы, однако, основа остается сильной. Пр. с.-к.: *Midä meččä-h* (< meččä) *huhuomma, šidä mečšä'tä vaššatah*. 'Что в лес кричим, то из леса и отвечают' [17, 61]; *Viihä hänen joge-h* (< jogi). 'Отнесут его в реку' [10, 267]; *Mendih työtöt kod'i-h* (< kodi). 'Отправились девушки домой' [21, 64]; люд.: *Pappi tulou vai pruznikka-h* (< pruznikka-). 'Священник придет только на праздник' [2, 33]. Исследователи возводят форманты иллатива к финно-волжскому показателю **-sen > *-hen* [13, 104]. Данный формант не мог вызывать чередования ступеней согласных в слове. Большинство карельских диалектов сохранило лишь первый компонент древнего показателя, однако ко времени редукции конечных элементов окончания чередование приобрело уже морфонологический характер, т. е. изменение структуры грамматического показателя не способно было повлиять на изменение сильной основы в слабую.

5) Показатель аллатива, восходящий к прибалтийско-финскому **-len* [13, 105], в процессе развития в собственно карельском наречии слился с окончанием адессива *-lla*, а в ливвиковском и людиковском наречиях перешел в формант *-le*, присоединяющийся, однако, к слабой основе. Пр. ливв.: *Lähti Tiittu nuota-le* (< nuotta-). 'Отправился Тит на рыбалку неводом' [18, 30]; *Menöy meriranna-le* (< meriranda-). 'Он пойдет на берег моря' [14, 86]; люд.: *Ylen äi kävyi šihe rahvast pruzn'ika-le* (< pruzn'ikka-). 'Очень много ходило туда народу на праздник' [21, 91]. На первый взгляд кажется, что данный аффикс сформировался в результате сокращения древнего форманта (**-len > -le*), но тогда он присоединялся бы к сильной ступени, что свидетельствует об ином механизме образования. Скорее всего, еще на стадии функционирования прибалтийско-финского праязыка по аналогии с адессивом оформился показатель аллатива **-lle* [4, 189], что и привело к ослаблению согласного компонента основы. Дальнейшее

сокращение геминаты в южных карельских наречиях могло произойти под влиянием вепсского языка, сохранившего древний показатель.

б) Окончанием послеложного падежа позднего образования терминатива в ливвиковском наречии является *-ssah/-ssäh*, в людиковском – *-ssai/-suai*. Пр. ливв.: *Toizeh vuode-ssah* (< vuode-) *sorrettu meččü kuivi*. 'До следующего года сваленный лес высыхал' [11, 143]; *Gu salvammo lage-ssah* (< lage-)... 'Как построим до потолка...' [15 VI, 474]; люд.: *Präkkä-ssuai* (< Präkkä-). 'До Прякки' [2, 28]. Данный падеж сформировался в результате слияния показателя иллатива *-h* с редуцированным послелогом *suah* 'до' [5, 74] с последующей ассимиляцией *h*. Для формы иллатива не характерна альтернатива согласных основы, следовательно, и окончание терминатива присоединяется вопреки правилу чередования к сильной гласной основе.

7) Кроме рассмотренных, исследователи выделяют также древний падеж пролатив. Он практически вышел из употребления в собственно карельских диалектах, однако следы его форманта *-čči*, восходящего к прибалтийско-финскому аффиксу **-ittsek* [13, 108], можно обнаружить в формах наречий. В ливвиковских и людиковских диалектах сфера употребления негеминированного пролатива на *-či*, присоединяющегося против правил к слабой основе, также ограничена. Пр. ливв.: *Koiz oča-či* (< oča-) *kävelläh rahvaz*. 'Мимо дома ходит народ' [15 IV, 76]; *Veneh proiji meän rannoi-či* (< randa-). 'Лодка проплыла вдоль наших берегов' [15 V, 25].

Итак, в карельских наречиях при образовании большинства падежных форм действует правило, согласно которому при закрытии формантом последнего слога основы слова в ней происходит фонетическое изменение смычно-взрывного согласного компонента, а в том случае, когда основа остается открытой, слабая ступень чередования невозможна. Таким образом, форманты, имеющие структуру *C* или *CCV*, присоединяются к слабой основе, а аффиксы со структурой *V*, *CV*, *CVC* – к сильной. Однако образование некоторых

падежей обнаруживает ряд исключений из данного правила. Присоединение показателя иллатива на *-h* к сильной основе характерно всем наречиям карельского языка. Не подчиняющееся основному правилу чередования образование аллатива на *-le*, пролатива на *-či*, терминатива на *-ssAh*, *-ssai*, *-ssuai*, эссива на *-nnU*, *-n*, характерно только ливвиковскому и людиковскому диалектам. Против правила происходит образование мн. числа генитива с формантами *-en*, *-n* в ливвиковском и партитива с показателями *-t/-d* в людиковском наречии.

История формирования падежных показателей позволяет объяснить все отступления от правил. В тех формах, где первоначально выступала слабая ступень основы, она и осталась слабой, независимо от того, что она открылась, и, соответственно, сильная основа сохранилась таковой, хотя и оказалась с течением времени в ситуации закрытого последнего слога. Наличие исключений позволяет говорить о переходе чередования ступеней согласных на современном этапе развития в морфонологическое явление. Решающее место теперь играет облик морфемы, а не ее звуковой состав. Отметим, что число исключений в ливвиковском и людиковском наречиях значительно выше, чем в собственно карельском. Видимо, это свидетельство того, что рассматриваемое явление в собственно карельском наречии еще не полностью встало на путь морфонологизации и лучше сохранило ситуацию древнекарельского фонологического чередования, чем ливвиковское и людиковское.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 572 с.
2. Баранцев А.П. Образцы людиковской речи. Петрозаводск: Карелия, 1978. 288 с.
3. Бубрих Д.В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки: SUS, 1997. 10 с. + 209 с. карт.
4. Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка в связи с синтаксисом // Д.В. Бубрих: Прибалтийско-финское языкознание: Избранные труды. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 173-290.

5. Дубровина З.М. Об образовании вторичных падежей из послеложных конструкций в прибалтийско-финских языках // Вестник ЛГУ, 1956. № 14. С. 69-86.
6. Зайков П.М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск: Периодика, 1999. 120 с.
7. Зайков П.М. Диалектология карельского языка. Петрозаводск: РИО ПетрГУ, 1987. 128 с.
8. Кочуркина С.И. Древние карелы. Петрозаводск: Карелия, 1987. 72 с.
9. Маркианова Л.Ф. Грамматика карельского языка. Петрозаводск: Периодика, 2002. 296 с.
10. Образцы карельской речи: Говоры Республики Карелии, тихвинских и тверских карел. Йоэнсуу-Петрозаводск: Университет Йоэнсуу, 1994. 460 с.
11. Макаров Г.Н. Образцы карельской речи: говоры ливвиковского диалекта карельского языка. Л.: Наука, 1969. 282 с.
12. Хинт М. Чередование ступеней в эстонском языке, как явление флективной морфологии // Советское финно-угроведение, 1981. № 17. С. 186-201.
13. Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki: Otava, 1972. 633 s.
14. Karjalan kielen näytteitä. II. Aunuksen ja raja-karjalan murteita. Helsinki: SKS, 1934. 146 s.
15. Karjalan kielen sanakirja. I-VI. Helsinki: SUS, 1968-2005.
16. Lehtinen T. Kielen vuosituhanet. Helsinki: SKS, 2007. 305 s.
17. Liljeblad T. Tunkuan murteen konsonantismi. Helsinki: SKS, 1931. 70 s.
18. Lähisukukielet. Toim. P. Virtaranta, S. Suhonen. Helsinki: SKS, 1978. 78 s.
19. Räisänen A. Suomen murteiden luennot. Joensuu: Joensuun korkeakoulu, 1976. 97 s.
20. Virtaranta P. Haljärven lyydiläismurteen muotooppia. Helsinki: SUS, 1986. 180 s.
21. Virtaranta P. Lähisukukielten lukemisto. Helsinki: SKS, 1967. 240 s.